

Я КРИЧАЛА БОГУ, А ОН ДАЛ МНЕ КАРТЫ

*История женщины,
которая превратила боль в силу*

ОКСАНА АБРАМОВА

Оксана Абрамова

**Я кричала Богу, а
он дал мне карты**

«Автор»

2026

Абрамова О.

Я кричала Богу, а он дал мне карты / О. Абрамова — «Автор»,
2026

Я психолог и таротерапевт, но прежде всего — женщина, которая научилась превращать свой страх в силу. Эта книга родилась на стыке личного кризиса и глубокой внутренней трансформации. Я делюсь своим опытом: как найти опору, когда рушится привычный мир, как использовать Таро не для гадания, а для глубокой эмоциональной диагностики и исцеления, и как найти в себе ресурсы начать всё с нуля. Это короткое, но мощное руководство по переходу от режима выживания к настоящей жизни.

© Абрамова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Оксана Абрамова

Я кричала Богу, а он дал мне карты

Глава

Я кричала Богу, а он дал мне карты.

Я КРИЧАЛА БОГУ, А ОН ДАЛ МНЕ КАРТЫ

История женщины, которая превратила боль в силу

Об авторе

Оксана Абрамова — тарот-терапевт, психолог и автор этой книги. Она знает каково это — оказаться на самом дне, но также знает, как найти в себе силы и выстроить жизнь, полную изобилия и любви. Она помогает женщинам обрести внутреннюю силу и выйти из кризиса через глубокую диагностику и бережную поддержку.

Связаться со мной можно в Телеграмм: https://t.me/abramova_tarot

Эта книга не о «позитивном мышлении», когда внутри рушится мир. И не о том, как соответствовать чьим-то стандартам идеальной жены, матери или женщины. Эта книга — о выживании. О том, что делать, когда рушится всё, что ты считала своим фундаментом. Когда человек, которому ты отдала сердце, становится чужим. Когда на счету остается 96 рублей, а из зеркала на тебя смотрит незнакомая, измотанная женщина. Когда ты кричишь в пустоту: «За что? Почему я?» — и в ответ слышишь только тишину. Я знаю этот крик.

Я знаю кислый вкус утренней паники.

Я знаю, каково это — просыпаться со страхом перед новым днем и чувствовать себя песчинкой перед огромным, равнодушным миром.

Но я также знаю, что наступает после. Момент, когда ты перестаешь ждать спасателя.

Когда осознаешь: дно — это не конец. Это твердая почва, от которой наконец можно оттолкнуться.

И когда в ответ на твой отчаянный крик Вселенная протягивает тебе не волшебную палочку, а настоящий инструмент. Карты. Твой собственный дар. Твою скрытую, пробуждающую силу. Эта книга — мой путь сквозь тьму. Честный разговор без глянца и прикрас. Инструкция по выживанию для тех, кто уверен, что окончательно сломался. Но послушай меня: ты не сломалась.

Ты перерождаешься. И я буду идти рядом с тобой на каждой странице этого пути.

ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК, ОТ КОТОРОГО НУЖНО БЫЛО БЕЖАТЬ

Мне было 28 лет, когда я встретила его. Того самого мужчину, в которого влюбилась так, как умеют любить только очень молодые и очень наивные девушки. Я смотрела на него и видела не просто человека — я видела в нём свою каменную стену. Свою защиту. Свою крепость от всего мира. Мне казалось, что он — надёжность. Что он — ответственность. Что он — та самая опора, о которой мечтает каждая девушка, листая глянцевые журналы и представляя себе принца на белом коне. По крайней мере, на тот момент я так думала. Я верила в эту

иллюзию всем сердцем, всеми клетками своего тела. Но у каждой иллюзии есть свой день, когда она разбивается вдребезги. В один «прекрасный» день он поднял на меня руку. Он был пьян. Я помню запах алкоголя, помню, как дёрнулся его кулак, помню, как время остановилось. Я замерла. И знаете, что самое страшное? Что я испугалась. Но я испугалась не за себя, дурочка. Я испугалась не за свою щеку, которая горела от его удара. Не за свою гордость, которая в тот момент рухнула на пол вместе с моим достоинством. Я испугалась за то, как мне теперь жить дальше. Ведь придётся расстаться с этим человеком. А я не хотела! Я не могла! Он же был моей жизнью. Моим воздухом. Моим единственным смыслом. И я простила. Я сделала вид, что ничего не было. Я улыбнулась, когда он извинялся. Я кивнула, когда он клялся, что это больше никогда не повторится. Я просто не представляла, как дышать без него. Как просыпаться утром и не видеть его лицо. Как жить в мире, где его нет. Я вышла за него замуж. Любил ли он меня? Я до сих пор не знаю. Вот правда — я не знаю, любил ли он меня. Скорее всего, любила я. Одной любовью на двоих. Той самой любовью, которая держит брак на своих хрупких плечах, пока он не рухнет под её весом. Потом родился Миша. Мой любимый сын. Мой маленький, тёплый, пахнущий молоком комочек счастья. Я смотрела на его крошечное личико, на его крошечные пальчики, и верила: теперь всё изменится. Теперь у нас будет настоящая, счастливая семья. Теперь он станет отцом. Теперь всё будет хорошо. Но увы. В какой-то момент всё снова пошло не так. Он закрылся в другой комнате. И там, за закрытой дверью, он снова начал выпивать. Я слышала его тяжёлое дыхание. Я сидела в коридоре с Мишей на руках и смотрела на эту дверь, и внутри меня кипела ярость и бессилие. Разве это семья? У меня на руках маленький ребёнок, которому нужна мать. Которому нужно, чтобы его кормили, укладывали спать, читали сказки. Я что, должна нянчиться ещё и с взрослым мужчиной?! С мужчиной, который прячется за дверью и пьёт, пока его собственная жена и сын страдают по ту сторону? В тот день я подошла к этой двери. Я стояла перед ней, как перед приговором, и сказала то, что, как мне казалось, было просто криком отчаяния. Голосом, который дрожал от злости и боли, я произнесла:— Выбирай: или я, или мы расходимся. Я думала, он выберет меня. Я думала, он откроет дверь, обнимет меня, скажет, что всё было ошибкой, что он больше никогда, что он любит меня, что мы справимся. Я думала, он одумается. Что он поймёт, что я — не блеф. Что я — его жена, мать его ребёнка, его жизнь. Но тогда, стоя в коридоре перед этой проклятой дверью, я ещё не знала. Я не знала, что только что произнесла приговор нашему браку. Я не знала, что эти слова стали точкой невозврата. Я не знала, что это был конец. Конец моей иллюзии. Конец моей любви. Конец той женщины, которой я была. И начало той, кем мне предстояло стать.

РЕШЕНИЕ

Я вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь. Щёлкнул замок. Я стояла в коридоре, прижавшись спиной к холодной стене, и слушала, как колотится моё сердце. Оно билось так громко, что мне казалось — весь дом слышит этот стук. Но я не остановилась. Я шла к сыну. К Мише. Потому что он был там, в той комнате, и он был один. Через несколько минут вошёл он. Подошёл спокойно. Почти буднично. Как будто собирался вынести мусор или включить телевизор. Взял Мишу на руки — так же легко, так же безразлично. А потом ударил меня по щеке. По всему телу пробежала мелкая, противная дрожь. Как будто меня окатили ледяной водой из ведра. Он начал что-то говорить, но я не слышала слов. В ушах стоял только гул страха — низкий, монотонный, как звук трансформаторной будки. Я смотрела на Мишу, а он плакал. Его маленькие пальчики вцепились в мою блузку, и я поняла: он знает. Он знает, что происходит что-то страшное, но не понимает, что.

— Мишу отдай мне, пожалуйста, — прошептала я. Он проигнорировал. Ещё пощёчина. Рванул на мне одежду — ткань затрещала, как бумага. Снова удар. Я попыталась к стене, почув-

ствовала, как холодный бетон вбивается в спину. И сквозь звон в ушах, сквозь эту пелену ужаса, я чётко расслышала его голос. Спокойный. Уверенный. Как приговор:

— Ты без меня никто. Ты не сможешь без меня. Тебя найдут в канаве. Он знал. Он знал, что меня некому защитить. Что за меня никто не вступится. Что мои родители не поверят мне, а его — да. Что у меня нет денег, нет работы, нет плана. Что я одна, с годовалым ребёнком на руках, в городе, где я одна. Поэтому он чувствовал себя так уверенно. Так безнаказанно. Ведь он был самым родным человеком. Я думала, он — моя крепость, моя защита, моя каменная стена. А оказалось, что защищаться нужно было от него самого. И знаете, что самое странное? Я вела себя пугающе спокойно. Да, мне было страшно. Так страшно, что внутри всё сжалось в маленький, твёрдый комок. Но если бы я закричала, начала истерить, бить его кулаками — я бы ещё больше напугала Мишу. Ему был всего год, но он всё видел. Он всё чувствовал. Его маленькие глаза смотрели на меня, и в них был вопрос, на который я не могла ответить: «Мама, почему нам так больно?» Материнский инстинкт заглушил мой страх. Он перекрыл его, как бетонная плита перекрывает поток воды. Я не думала о себе. Я думала только о нём. О том, как забрать его отсюда. Как увезти. Как спрятать. Я спокойно подошла. Взяла его телефон из кармана — он даже не заметил, такой был уверен в своей власти — и позвонила его матери.

— Пожалуйста, приезжайте. Успокойте его, — сказала я ровным голосом, который удивил меня саму. Я слышала, как он начал жаловаться ей, как только она взяла трубку. Какая я плохая. Как он устал так жить. Как я его довела. Абызёры всегда делают жертву виноватой. Это профессиональные манипуляторы, и он был одним из них. Он превращал свою ложь в искусство, а свою жертву — в злодея. Пока он играл роль «несчастливого мужа» перед своей матерью, я прошла на кухню. Села за стол. Набрала номер полиции.

— Вызовите спасение, — сказала я тем же ровным, чужим голосом. Как ни странно, они приехали за десять минут. Я видела, как меняется его лицо, когда в дверь начали стучать полицейские. Уверенность сползла с него, как маска. На её месте появился страх. Настоящий, детский страх человека, который привык быть хищником, но не умеет быть жертвой.

— Ты что, полицию вызвала? — его голос дрогнул.

— Да, — ответила я. Просто «Да». Без объяснений. Без оправданий. Без страха. И только тогда он «успокоился». Сдулся, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Я написала заявление. Но дело не возбудили — на мне не было синяков. Он бил так, чтобы не оставлять следов. Хитрый и трусливый. Он знал, как причинить боль, но не оставить улики. Он был профессионалом в своём ремесле разрушения. А потом он ушёл в другую комнату и завалился спать. Забрав с собой наше с Мишей одеяло. Мы спали, укрывшись тонким пледом. Я не спала всю ночь. Лежала, прижав к себе Мишу, и слушала, как он дышит. Страх за себя ушёл. Остался только животный, материнский ужас за ребёнка. Этот ужас был таким огромным, что он заполнил всю комнату, весь дом, всю мою жизнь. Ему нельзя жить в такой среде. Это опасно. Это яд, который медленно убивает его душу, даже если он ещё не понимает этого. В ту ночь материнский инстинкт оказался сильнее любых чувств. Сильнее любви. Сильнее страха. Сильнее привычки. И я приняла решение. Не завтра. Не когда-нибудь. Не «когда будут деньги» или «когда найду работу». А прямо сейчас, в этой холодной комнате, под этим тонким пледом, с этим маленьким, тёплым комочком счастья на руках. РАЗВОД. МЫ РАЗВОДИМСЯ.

Проснувшись утром, я поняла: решение своё я не поменяла. Ночь не стёрла ничего. Наоборот — она всё расставила по местам, как будто кто-то невидимый разложил мои мысли по полочкам, пока я спала. Я лежала и смотрела в потолок, и внутри была странная, пугающая тишина. Не паника. Не слёзы. Тишина. Та самая, которая бывает перед грозой. Мы не разговаривали. Я молча собрала наши с Мишей вещи. Складывала ползунки, бутылочки, его любимую игрушку — и руки не дрожали. Это удивило меня больше всего. Я думала, что буду плакать, что буду сомневаться, что в последний момент схвачусь за дверную ручку и вернусь.

Но нет. Внутри было холодно и спокойно, как зимой, когда снег уже выпал и больше ничего не может измениться. Я уехала к родителям, в область. Дорога казалась бесконечной. Миша спал на заднем сиденье, а я смотрела в окно и думала: «Я только что сожгла мост. А что, если на том берегу ничего нет?» Когда приехала, не стала ничего рассказывать сразу. Улыбалась, кормила сына, помогала маме на кухне — и молчала. Слова стояли в горле комом, и я боялась, что если открою рот, то уже не остановлюсь. Решила подождать подходящего момента. Вечером всё-таки решилась. Села за стол, набрала воздуха и сказала. Какой была их реакция? Никакой. Они уже обо всём знали. Мой муж рассказал им сам — раньше меня, быстрее меня. Как именно он это преподнёс, какие слова подобрал, в каком свете выставил меня — я не знаю и, наверное, уже никогда не узнаю. Но одно я поняла точно, глядя в их глаза: он рассказал не потому, что сожалел. Не потому, что хотел всё исправить. Он рассказал, потому что испугался. Испугался, что я заговорю первая. Испугался, что правда выйдет наружу и он останется виноватым. А я сидела за столом в доме своих родителей и понимала, что я уже проиграла эту гонку. Поддержки я так и не увидела. Ни слова «мы с тобой». Ни объятий. Ни даже простого «ты права». Вместо этого — молчаливый приговор: «Ты не справишься. С маленьким ребёнком на руках ты пропадёшь. Куда ты пойдёшь? На что ты будешь жить?» И знаете, самое страшное — они говорили это не со зла. Они говорили это из любви. Из той самой искалеченной, перепуганной любви, которая вместо крыльев подрезает ноги. Они правда верили, что я слабая. Что я не выживу. А как жить с человеком, которому нельзя доверять? С которым небезопасно? С которым ты засыпаешь и не знаешь, в каком настроении он проснётся? Вы можете сказать мне сейчас — и я слышу этот голос, он звучит в моей голове до сих пор: «Ты же знала, какой он. Он ударил тебя ещё до замужества. Могла бы и не выходить». Могла. Я знаю, что могла. Но давайте я скажу вам кое-что, о чём не пишут в книгах по психологии. Когда ты любишь человека, ты не видишь его ударов. Ты видишь его слёзы после. Ты видишь, как он стоит на коленях и клянётся, что это было в последний раз. Ты зависишь от него, как от воздуха, и боишься его потерять больше, чем боишься боли. И ты прощаешь. Снова и снова. Потому что прощение кажется тебе силой, а не слабостью. Когда родился мой сын — вот тогда включились мозги. Не раньше. Не когда он поднял руку на меня. Не когда кричал так, что дрожали стены. А когда я взяла на руки этого крошечного, беззащитного человека и поняла: «Теперь я отвечаю не только за себя. Теперь я — его единственная стена между ним и этим миром». И эта стена не имела права быть слабой. Защиты в родительском доме я не нашла. Мама злилась на меня. Она сдерживалась, стискивала зубы, говорила нормальным тоном — но я чувствовала эту злость каждой клеткой тела. Она пахла, как горелое молоко. Она висела в воздухе, как туман. Мама злилась не на меня — она злилась на ситуацию, на свою беспомощность, на то, что её дочь вернулась домой с ребёнком на руках, как в страшном сне. Но мне от этого было не легче. Утром следующего дня я написала ему смс. Пять слов, которые изменили всё: «Я жить с тобой не буду. Мы разводимся». Я нажала «отправить» и выдохнула так, будто не дышала несколько лет. Благо, он работал вахтой — большую часть времени я его просто не видела. И это было моим спасением. Расстояние дало мне воздух, которого я была лишена все эти годы. Шло время. Мы жили в одном доме, в нашем общем доме, но как чужие люди. Проходили мимо друг друга в коридоре, не глядя в глаза. Делили кухню, но не делили жизнь. Это было самое странное чувство — быть замужем и при этом быть абсолютно одной. Он сказал, что всё сам организует: и развод, и алименты — заверит у нотариуса. Я сначала согласилась. Успокоилась. Поверила. И снова уехала к родителям. Я искала чего-то. Наверное, ту самую защиту. Тот самый дом, где тебе скажут: «Всё будет хорошо, мы рядом». Но вместо этого я нашла молчаливое осуждение и злость, от которой болела голова. Домой ехать не хотела — он в тот момент там отдыхал, и сама мысль о том, чтобы оказаться с ним под одной крышей, вызывала тошноту. Но и у родителей было невыносимо. Эта негативная обстановка давила на грудь, как бетонная плита. Я задыхалась в четырёх стенах, где меня не понимали, не поддерживали и не слышали. Я была растеряна. Что

делать? Куда идти? К кому? Всё будто было против меня. Мир сомкнулся вокруг, как тиски, и я стояла в центре с маленьким ребёнком на руках, без денег, без крыши, без единого человека, который сказал бы мне: «Ты справишься». Но я не знала тогда одного. Иногда, когда весь мир против тебя, это не значит, что ты проиграла. Это значит, что ты наконец-то перестала играть по чужим правилам.

«Всегда слушай своё сердце.
Оно знает дорогу,
даже когда страшно сделать первый шаг.
Оно никогда не обманет».

МОМЕНТ, КОГДА ЗЕМЛЯ УХОДИТ ИЗ-ПОД НОГ.

Я уже начала сомневаться в своем решении. Действительно ли я приняла правильное? Может быть, я совершаю ошибку? Раз всё и все против, а я стою одна против целого мира — значит, я не права? Чужое мнение стало громче моего внутреннего голоса. Мои собственные сомнения заглушили ту тихую, но такую ясную интуицию, которая вела меня всё это время. Утром я приняла решение ехать домой. Я решила сохранить семью. Но где-то в глубине души, под слоями страха и сомнений, я чувствовала: не стоит этого делать. Но я так боялась принять неверное решение, что выбрала то, что казалось безопасным. То, что одобряли другие. То, что не требовало от меня мужества идти до конца. Я приехала домой. Его нет. Мы с Мишей разделись, и я пошла готовить ужин. Вечер. Его всё нет. Я решила пойти искупать ребёнка. И вдруг — он заходит. Заглянул в ванную и ушел. Через некоторое время он возвращается и начинает помогать мне купать Мишу. Я была в легком шоке. Что произошло? Он передумал? Тоже? Мы купали сына молча. Ни слова. Ни взгляда. Только плеск воды и тяжелое, давящее молчание, в котором висело всё то, о чем мы не сказали. И вдруг я услышала уведомление. Ему пришло сообщение. Не знаю, что мной руководило в тот момент — интуиция, отчаяние или просто то самое знание, которое живет в каждой женщине, которую предают. Я пошла в спальню. Он продолжал купать Мишу. Я зашла в комнату, взяла его телефон и открыла экран. Там было сообщение от женщины: «Мне понравилась эта ночь» Земля начала уходить из-под ног. Ком в горле. Нечем дышать. Я положила руку на солнечное сплетение и закрыла глаза. Я стояла там, в тишине его спальни, и чувствовала, как что-то внутри меня окончательно разрывается. Не сердце — что-то большее. Иллюзия. Последняя надежда. Та самая ниточка, которая держала меня в этом доме, в этой жизни, в этом обмане. Я положила его телефон на место. Зашла в ванную, посмотрела на него и произнесла спокойно, почти шепотом:

— Давай, я заберу Мишу. Уже поздно. Ему пора спать. И в тот момент я поняла одну вещь. Ту самую, которую невозможно забыть. Ту, которую я хочу сказать каждой женщине, которая сейчас стоит на пороге своего решения: Если Бог захочет, чтобы человека не было в вашей жизни, он сделает так, чтобы этот человек обидел вас настолько сильно, чтобы у вас не осталось больше шансов его простить. Это не жестокость. Это милосердие. Это способ Вселенной разорвать цепи, которые мы сами на себя надели из страха, из привычки, из ложной любви. В тот вечер я не плакала. Я не кричала. Я просто забрала Мишу и ушла. Потому что Бог уже всё решил за меня. Он просто дал мне возможность — это увидеть.

скитания

Утро. Я готовлю нам с Мишей завтрак. Сумка с вещами уже собрана. Стою у плиты, мешаю кашу, а внутри — пустота. Не боль, не злость. Просто тишина. Он заходит на кухню — Ты снова уезжаешь?

— Да. Мне нужно уехать.

— Я хотел побыть с сыном.

— Я уезжаю ненадолго. Я забрала кашу, яичницу и вышла из кухни. Не оглянувшись. Пока яковырялась в своей тарелке, думала только об одном: почему он ни слова не говорит про развод? Он же сказал, что сам всем займется. Что-то не видно никаких результатов. Ни звонков, ни сообщений, ни разговоров. Просто тишина. И эта тишина была громче любых криков. Мы едем в такси на вокзал. Миша спит у меня на коленях. Я пытаюсь заставить себя поплакать. Потому что этот ком в горле никак не проходит. Если бы я выплакалась, мне бы полегчало. Но слез не было. Только тяжесть. И усталость. Я уснула.

— Девушка, мы на месте. Я резко подорвалась. Я ушла в такой глубокий сон, что когда проснулась, не поняла сначала, где я. Кто я. Что происходит. Я приехала снова к родителям. Я понимала, что они уже устали от меня. Что мое присутствие здесь — это испытание для них. Но я ничего не могла поделать. Мне нужна была поддержка. Господи, дайте мне кто-нибудь эту поддержку! Дайте мне кто-нибудь это плечо, где я могу выплакать свою боль. Все скиталась и скиталась. Искала. Но не находила. Захожу домой. Мама сидит, пьет чай с подругой. Я поздоровалась. Мамина подруга спросила, почему одна. Я сказала:

— Развожусь. Молчание. Мама даже не посмотрела на меня.

— Как разводишься? — спросила подруга.

— Он меня очень сильно обидел. И я заплакала. Наконец-то. Слез больше не было — была только правда. И тут она говорит:

— Слушай, у меня есть знакомая судья, которая вас может развести без всяких заседаний, вопросов. Если ты будешь согласна, я могу все организовать.

— Конечно! — согласилась я, не раздумывая. Маме это не понравилось.

— Делайте что хотите, — сказала она. События начали складываться как по маслу. Видимо, этот развод должен был произойти. Бог сам этого велел. Иначе как это все объяснить? На следующий день мы пошли в суд. Долго ждали, пока нас примут. Два часа там пробыли. Но все сложилось благополучно. Я все рассказала. Причину развода. Что я не хочу ждать месяц. Что примирения не будет. Но по закону всегда так — месяц дают на размышления. Шли дни. Я занималась документами. Позвонил мне муж и говорит:

— Ты приедешь? Мы заверим алименты у нотариуса. Я отказалась. Сказала, что позже все сделаем. На самом деле я уже занималась этим процессом. Мне судья сказала, чтобы я не соглашалась на его условия. Он работает вахтой, получает хорошую зарплату. А у нотариуса он хотел заверить алименты в 10 тысяч. Это мало. Он снова начал хитрить. Ночью я уложила Мишу спать и лежала. Просто думала. Что делать дальше? Какой мой следующий шаг? На развод подала. Копию заявления отправила мужу по почте. Но я ему ничего не сказала. Он ни о чем не знал. Подходит ко мне мама. Тихо, но серьезно заявляет:

— Оксана, тебе нужно уезжать. Миша капризный у тебя, орет. Да и ты должна быть дома, у себя. Снова я испытала шок. Миша не был капризным. Просто он чувствовал мое состояние. Как я нервничала. Как страдала. Как переживала свою боль. Ему просто все передавалось. Он был от моего состояния. Но этого, к сожалению, никто не понял. От нас просто все устали. Утром я уехала домой. Снова одна. Снова с Мишей. Снова в том доме, где еще вчера была семья. А сегодня — только эхо.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Я вернулась в пустой дом. Он уже уехал на вахту, оставив меня наедине с тишиной. Впереди маячили целые две недели абсолютного одиночества. Две недели один на один с моими мыслями, с тяжелым комом обиды и глухой, разъедающей злостью. Я стала плохо спать. Сон стал моим главным врагом. Ночью, ровно в два или три часа, я открывала глаза и до самого

рассвета лежала, уставившись в темноту. Зато днем гравитация тянула меня к земле. Я ходила по дому, спотыкаясь от усталости, и ждала только одного момента — когда уложу Мишу на дневной сон. Эти короткие часы забытья были для меня единственной роскошью. В семь утра тишину разорвал телефонный звонок. Звонила мама.

Я не спала, просто лежала, изматывая себя мыслями. Судорожно схватила трубку, сердце подпрыгнуло: «Что-то случилось?»

— Оксана, ты брала мой мусс для волос? Я не поверила своим ушам.

— Какой мусс? Нет, я ничего не брала. Но она мне не поверила. И мы начали ругаться. Представляешь? У меня внутри выжженная земля, рушится вся моя жизнь, а мы кричим в трубку из-за какого-то дурацкого мусса. Мне было так больно, что я не могла дышать, а на том конце провода меня обвиняли в краже косметики. А потом прозвучала она. Та самая фраза, которая разбила мое сердце в дребезги. Точка невозврата.

— Чтобы ноги твоей больше не было в доме! Гудки. Она бросила трубку. Я медленно подошла к окну. Подняла глаза на небо и одними губами, без слез, прошептала:

— За что? За что Ты так со мной, Боже? Шли дни. Я не жила — я существовала в режиме экономии энергии. Даже простые бытовые дела казались непосильным трудом. Большую часть времени я просто лежала. Смотрела в одну точку.

Миша подходил, тянул меня за руку, просил поиграть. А я не могла встать. Я просто притягивала его к себе, обнимала и тихо плакала в его детские макушки. Я отрезала себя от мира. Перестала отвечать на звонки, перестала общаться. Мы жили в частном секторе, но я боялась выйти даже во двор. Мне казалось, что, если кто-то посмотрит на меня, я рассыплюсь на куски прямо там, на крыльце. Так прошли две недели. И он вернулся.

Две недели под одной крышей с человеком, которого я больше не хотела видеть. С человеком, который меня предал. Он зашел в дом, и я увидела, что в руках он держит конверт. Письмо из суда.

Он сунул его мне в лицо, размахивая, как оружием:

— Это что такое? Я посмотрела ему прямо в глаза. Впервые за долгое время мой голос не дрогнул:

— Мы разводимся. Его лицо перекошилось.

— Ну, теперь ты точно узнаешь меня по-настоящему, — прошипел он. — Жди. Скоро тебе тоже придет письмо! Он забрал конверт, развернулся и уехал. Хлопнув дверью, за которой осталась моя прошлая жизнь. Именно с этого хлопка началась моя настоящая история. История выживания. Начало моей трансформации. Это был путь от той неуверенной в себе девочки, которая привыкла себя обесценивать и терпеть, к женщине, способной постоять за себя. К женщине, которая наконец-то познала свою истинную ценность. Ведь правда жестока и проста:

Тот, кто вас обесценивает, прекрасно знает, что вы стоите гораздо больше.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Я вернулась в пустой дом. Он уже уехал на вахту, оставив меня наедине с тишиной. Впереди маячили целые две недели абсолютного одиночества. Две недели один на один с моими мыслями, с тяжелым комом обиды и глухой, разъедающей злостью. Я стала плохо спать. Сон стал моим главным врагом. Ночью, ровно в два или три часа, я открывала глаза и до самого рассвета лежала, уставившись в темноту. Зато днем гравитация тянула меня к земле. Я ходила по дому, спотыкаясь от усталости, и ждала только одного момента — когда уложу Мишу на дневной сон. Эти короткие часы забытья были для меня единственной роскошью. В семь утра тишину разорвал телефонный звонок. Звонила мама.

Я не спала, просто лежала, изматывая себя мыслями. Судорожно схватила трубку, сердце подпрыгнуло: «Что-то случилось»

— Оксана, ты брала мой мусс для волос? Я не поверила своим ушам.

— Какой мусс? Нет, я ничего не брала. Но она мне не поверила. И мы начали ругаться. Представляешь? У меня внутри выжженная земля, рушится вся моя жизнь, а мы кричим в трубку из-за какого-то дурацкого мусса. Мне было так больно, что я не могла дышать, а на том конце провода меня обвиняли в краже косметики. А потом прозвучала она. Та самая фраза, которая разбила мое сердце в дребезги. Точка невозврата.

— Чтобы ноги твоей больше не было в доме! Гудки. Она бросила трубку. Я медленно подошла к окну. Подняла глаза на небо и одними губами, без слез, прошептала:

— За что? За что Ты так со мной, Боже? Шли дни. Я не жила — я существовала в режиме экономии энергии. Даже простые бытовые дела казались непосильным трудом. Большую часть времени я просто лежала. Смотрела в одну точку.

Миша подходил, тянул меня за руку, просил поиграть. А я не могла встать. Я просто притягивала его к себе, обнимала и тихо плакала в его детские макушки. Я отрезала себя от мира. Перестала отвечать на звонки, перестала общаться. Мы жили в частном секторе, но я боялась выйти даже во двор. Мне казалось, что, если кто-то посмотрит на меня, я рассыплюсь на куски прямо там, на крыльце. Так прошли две недели. И он вернулся.

Две недели под одной крышей с человеком, которого я больше не хотела видеть. С человеком, который меня предал. Он зашел в дом, и я увидела, что в руках он держит конверт. Письмо из суда.

Он сунул его мне в лицо, размахивая, как оружием:

— Это что такое? Я посмотрела ему прямо в глаза. Впервые за долгое время мой голос не дрогнул:

— Мы разводимся. Его лицо перекошилось.

— Ну, теперь ты точно узнаешь меня по-настоящему, — прошипел он. — Жди. Скоро тебе тоже придет письмо! Он забрал конверт, развернулся и уехал. Хлопнув дверью, за которой осталась моя прошлая жизнь. Именно с этого хлопка началась моя настоящая история. История выживания. Начало моей трансформации. Это был путь от той неуверенной в себе девочки, которая привыкла себя обесценивать и терпеть, к женщине, способной постоять за себя. К женщине, которая наконец-то познала свою истинную ценность. Ведь правда жестока и проста:

Тот, кто вас обесценивает, прекрасно знает, что вы стоите гораздо больше.

РАЗВОД

Развод случился быстро. Без скандалов, без дележки вины. Никто из нас не сопротивлялся, словно мы оба знали: этот узел пора развязать. Всё прошло тихо, даже слишком. Но через несколько дней тишину нарушило письмо. От бывшего мужа. Точнее, от того человека, который еще вчера был моим мужем, а сегодня стал просто истцом в чужой войне. В конверте лежала повестка в суд. Тема? Раздел имущества. Меня накрыло ступором. Голова пустела, мысли рассыпались на осколки. Я забыла главное: у меня есть ребенок. Миша. И по закону мы имеем право жить здесь, в этой квартире, несмотря ни на что. Даже если он требует забрать жильё только потому, что платил ипотеку, внес первый взнос и продал свою машину для этого. Юридические нюансы вылетели из головы напрочь. Остался только животный страх. Ночи превратились в ад. Я не спала. Лежала с открытыми глазами и считала варианты. А вдруг заберут? Куда мы пойдем? Я ведь в декрете. Без работы. Без накоплений. С маленьким сыном на руках. Вопрос висел в воздухе, как дамоклов меч: «Что делать?» Ответа не было. Только темнота и сердцебиение в ушах. Первое заседание стало ударом ниже пояса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.